

Несерьезный создатель трагедий

Хореограф из Молдовы поставит спектакль в Большом театре вместе со знаменитым английским режиссером

Майя Крылова

Тридцатилетний Раду Поклитару уже успел собрать в разных странах коллекцию призов за хореографию. В 2001 году он получил первую премию на Международном конкурсе балета в Москве (за постановку номера «Три грузинские песни») и сразу привлек внимание столичных балетных профессионалов. В настоящее время Поклитару готовится к постановке в Москве.

— Раду, как вы попали в орбиту внимания Большого театра?

— Я так быстро передвигаюсь по СНГ, что меня почти невозможно найти. Недавно знакомому хореографу звонили в Испанию, чтобы узнать номер

ворили и, кажется, друг другу понравились.

— Доннеллан — мировая знаменитость. Не страшно работать рядом с лауреатом четырех премий Лоуренса Оливье?

— Деклан — человек умный и остроумный, он очень контактен и полон недогматических идей. Мы решили провести совместную пробную репетицию. Начали со сцены «Ромео и Джульетта у балкона». Сняли с балерины пуанты (я не практикую танец на пальцах), проработали два часа в репетиционном зале с восторгом и поняли, что можем сочинять вместе. Если все пойдет по плану, то в декабре состоится премьера балета на Новой сцене Большого театра.

— Да вы посягаете на основы! Для Большого женский танец без пуантов — это почти революция. Страна должна знать своих героев. Раду, расскажите о себе.

ного приемного экзамена, и моему отцу дали листик бумаги. Там приемная комиссия записала физические данные абитуриента Поклитару: искривление позвоночника, одна лопатка выше другой, плоскостопие, короткая шея... Отец прочел и сказал: «У меня не сын, а Квазимодо». Но в экспериментальный класс в Перми меня все-таки приняли. После школы работал артистом балета в Большом театре Минска, танцевал самые выигрышные роли, по определению кинорежиссера Хичкока, у меня большой послужной список отрицательных героев. Закончил консерваторию, отделение хореографии, на некоторое время вернулся в Молдавию, теперь — свободный художник.

— Ваш любимый хореограф — Матс Эк. Но вы начинали ставить как неоклассик, делали нечто красивое и порхающее...

потому что мир — это то, что мы хотим увидеть вокруг себя. На такое решение натолкнул финал партитуры Стравинского.

— А удачный, на мой взгляд, балет на музыку Баха?

— Он называется «Женщины в ре-миноре». Для меня это старый спектакль, ему уже полтора года. Теперь нравится только первая часть, все остальное переделал бы... Сюжет проходит намеком: 12 дам «радуются», когда одна из них выходит замуж за единственного на их острове мужчину. Я ставил балет, влюбившись в музыку. Но бывает и так, что работа идет от истории, которую хотелось бы танцевально рассказать. Под это дело ищу соответствующую музыку. Случаются неудачи, как в спектакле «Картинки с выставки». Всем этот балет нравится, а мне — нет, потому что концепция разошлась с партитурой. Мусоргский написал цепь совершенно разных миниатюр, я же попытался слепить из них целое. В балете происходит показ мод «от кутюр». Герои — манекенщицы и манекенщики. Ими руководит некий Воланд-кутюрье. Он заманивает людей в свою мастерскую с помощью некой свирели, как гаммельнский крысолов, они выходят голыми, потеряв свою сущность. А кутюрье всех обмеривает для новой коллекции.

— «Несерьезно говорить о серьезных вещах» (цитирую ваше интервью) — это творческое кредо?

— Когда хореограф приходит на репетицию с ощущением собственной гениальности, хорошего результата не жди. Если уж я иронизирую над собственным призванием, то позволяю себе иронизировать и над музыкой, над либретто. Но при этом люблю рассказывать трагические истории. Я заметил, что катарсис тем сильнее, чем несерьезней было рассказано все предшествующее.

Мне хочется сочинить такой балет, чтобы все зрители ушли со спектакля с хорошим осадком: и простой человек, случайно попавший в театр, какая-нибудь тетя Клава, и завзятый эстет. Я недавно услышал зрительский разговор: «Блин, загрузило как, но классно». Вот и хорошо. Этот парень некоторое время будет ходить «груженный». И снова придет в театр.

Свободный художник Раду Поклитару.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

моего мобильного. Меня разыскали из Большого и завели разговор об интересном проекте. Режиссер драматического театра Деклан Доннеллан давно мечтает поставить балетный спектакль. Он собирается режиссировать «Ромео и Джульетту» и попросил театр найти хореографа. Ему предложили меня. Нас познакомили, мы с замиранием сердца взаимно приглядывались, долго прого-

— Я родился в семье ведущих танцовщиков Кишиневского оперного театра, но с балетом в детстве были трудности. Только со второго раза смог поступить в Московское хореографическое училище, до этого проучившись полгода в Одессе и полгода в Кишиневе. В Москве перед экзаменами я сломал ногу, меня отчислили. Поступал в школы Ленинграда и Киева, но нигде не брали. Как-то я вышел с очеред-

— Был грех. Но я совершил побег в иную область танца. Чем больше проходит времени с момента создания балетов, тем меньше я могу их смотреть сегодня. Мне все еще не противна «Кармен». Считаю удачной «Весну священную» в Киевской национальной опере. Либретто «Весны» я придумал на крымских пляжах под шум прибоя. Это балет про бегство из системы в некий райский сад, где все равно нет покоя,